
МОРФОЛОГИЯ СЛОВА КАК ОСНОВА ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВ

А.В. Широкова

Кафедра общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются принципы классификации языков на основе морфологических параметров на материале флективных индоевропейских языков.

Ключевые слова: сопоставительно-типологическое языкознание, тип языка, форма в языке.

Сравнение языков может производиться в двух планах. Можно при сравнении разных языков выявлять закономерности в их различии, объясняя появление и развитие этих различий постепенным расхождением первоначально очень близких, похожих языков, произошедших из общего праязыка. Такое изучение закономерных расхождений между родственными языками называется *сравнительно-историческим*. Но сравнение можно производить и в другом плане, выявляя закономерности в сходствах между языками.

Заведомо неродственные, различные по происхождению или же дальнеродственные языки могут в процессе своего изменения независимо друг от друга развить схожие черты в своем строе. Выявить общие закономерности при таких схождениях — задача *сопоставительно-типологического* языкознания. Великий русский и польский ученый И.А. Бодуэн де Куртенэ так писал о сопоставительно-типологическом изучении языков: «Мы можем сравнивать языки совершенно независимо от их родства, от всяких исторических связей между ними. Мы постоянно находим одинаковые изменения в языках, чуждых друг другу исторически и географически» [1. С. 371].

Традиционная лингвистическая типология, восходящая к трудам братьев Ф. и А. Шлегелей, В. фон Гумбольдта и А. Шлейхера, выделяла четыре основных языковых типа, а внутри их — некоторые подтипы:

- 1) изолирующие (аморфные: корнеизолирующие и основоизолирующие) языки;
- 2) агглютинативные языки (несколько подтипов);
- 3) инкорпорирующие (полисинатические) языки;
- 4) флективные (синтетические и аналитические) языки.

Работы ученых конца XIX — начала XX в., внесшие существенные дополнения в эту схему, в целом сохраняли ее основы и результаты дальнейших исследований современных лингвистов-типологов.

Вслед за Е.Д. Поливановым агглютинация в данной статье рассматривается как форма проявления аналитизма. Наряду с другими чисто аналитическими языками (изолирующими, инкорпорирующими) агглютинативные языки противопоставляются чисто флективным (индоевропейским) прежде всего в структуре слова, в отношении слова и морфемы.

Американский исследователь Дж. Гринберг так оценивает традиционную морфологическую классификацию языков: «Какими бы несовершенными ни казались сейчас рассуждения ученых XIX в. на эту тему, все же главные достоинства выдвинутых схем отрицать нельзя. В качестве основы для классификации индуктивно было найдено нечто, имеющее кардинальное значение для всесторонней общей характеристики языка, а именно: морфологическая структура слова» [2. С. 63].

В русской научной традиции учение о морфологической структуре слова восходит к трудам одного из самых выдающихся лингвистов-теоретиков прошлого века Ф.Ф. Фортунатова. Свои основополагающие достижения Ф.Ф. Фортунатов обнародовал обычно только в форме устных лекций, которые он регулярно читал в Московском университете. К сожалению, только часть этих лекций была не только аккуратно записана его студентами, но и размножена стеклографическим способом, но не все из этих редких изданий сохранились, а те, что хранятся в фондах университетской библиотеки МГУ, в архиве АН СССР, практически почти недоступны для широкого круга лингвистов. Восстановить эти фундаментальные труды великого русского ученого — одна из важных непосредственных задач современного отечественного языкознания. Но пока это еще дело будущего. Здесь мы постараемся лишь привести некоторые высказывания и рассуждения Ф.Ф. Фортунатова, касающиеся его учения о форме слова и морфологической классификации языков.

Понятие формы занимает центральное место в концепции Ф.Ф. Фортунатова: «Язык — форма в целом, и в нем все оформлено». Прежде чем обратиться к определению формы слова, необходимо уяснить, что следует считать отдельными словами. «Всякий звук речи, — писал Фортунатов, — имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово» [10. С. 132]. Под звуком здесь подразумеваются как отдельные членораздельные звуки, так и целые звуковые комплексы. Эти сложные звуки и комплексы звуков могут состоять из отдельных частей.

Состав слов может быть двоякого рода, а именно части слова могут быть или частями значения слова, или частями самого слова. В языках индоевропейских, как и в большинстве других языков, слова имеют состав второго рода, и лишь сравнительно в немногих языках, как, например, в китайском, где не существует такого рода состава слов, мы находим состав слов первого рода, т.е. такой состав слов, при котором частями слов являются части значения слов... И в русском языке мы можем найти явления, родственные с таким составом слов... например, такое русское словосочетание, как *Москва-река*, *Москвы-реки* и т.д. В этом словосочетании слова *Москва* и *река* остаются каждое отдельным словом, но значение, выражаемое этим словосочетанием, не распадается вполне на значения одного слова + значение другого слова... [9]. Подобного же рода цельными *речениями* являются в русском языке *рыба-пила*, а также *железная дорога*, *Великий пост* и т.п. Если в языке сложные слова могут распадаться только на такого характера части, но в части при этом уже неразложимы, неизменяемы, то такой язык (на-

пример, китайский, вьетнамский), называется, по Фортунатову, аморфным, т.е. изолирующим. «Слова китайского языка, по отношению к составу, распадаются на слова, не имеющие никакого состава, или корневые, и на слова составные.

Другие языки мира, принадлежащие к неаморфным типам, имеют формы слов. Формой отдельных полных слов в собственном значении этого термина называется... способность отдельных выделять из себя для сознания говорящего формальную и основную принадлежность слова. Формальной принадлежностью слова является при этом та принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова, как существующей в другом слове или в других словах с другой формальной принадлежностью» [9. С. 16]. Формальная принадлежность слов — это аффикс. «Обе части слова самостоятельны, т.к. основа становится частью слова при помощи аффикса, а сам по себе не имеет значения такой части: *чита-тель, дела-тель*. Аффикс сам тоже не самостоятелен и обозначает нечто в другой части слова, называемой основой» [9. С. 11].

У Фортунатова понятие формы слова не ограничивается рассечением линейности речи на отдельные звенья: основа + аффикс (*чита-тель, писа-тель, сто-лик, пиши-у, читай-у*). Эту способность слово получает при соотношении с другими членами парадигмы; *стол-ик* с членится потому, что есть *рот-ик, сад-ик* и т.д. Свойства формы выделяются благодаря соотносительности членов парадигмы. «Бесформенные» слова (или «частичные») не распадаются на основу и аффикс, они обладают формой вследствие места, занимаемого в словосочетании или предложении, сравните: *серый волк лежал на песке — серый кенгуру лежал на песке*. Словам, обладающим собственной формой (т.е. собственным членением на основу и аффикс), и словам, обладающим собственной формой вследствие места, занимаемого в словосочетании (где форма слова выражает не его непосредственное членение, а благодаря согласованию, через форму других слов), Ф.Ф. Фортунатов противопоставлял заведомо бесформенные слова: *там, вчера, хлоп, брысь*. В аморфных языках все слова бесформенны, в таких языках, как русский, одни слова (их большинство) оформлены, имеют членение, другие (их меньше) — не имеют.

Оформленное, т.е. морфологически членящееся, слово не сводится к механическому соединению составляющих его «принадлежностей» (морфем), а его значение не равно простой сумме значений этих частей. «Слово фразеологично, это его конструктивное свойство», — указывал А.И. Смирницкий [7. С. 119]. Развивая это положение, М.В. Панов подчеркивал: «Слово — это то, что грамматически оформлено, т.е. то, что имеет грамматическую форму. Слово — такое соединение морфем, которое имеет значение, не разлагаемое на значения этих морфем» [4. С. 131—132]. Если между значимыми частями отсутствует фразеологическая связь, то в этом случае отсутствует и отдельное слово как цельная самостоятельная единица, такие соединения нельзя считать формами слов (в этом отношении даже такие соединения, как *электролампа, радиомачта*, нельзя считать цельными словами, поскольку их значения сводятся к простой сумме значений, *электро-, радио-* и значений *лампа, мачта*, в их связи нет фразеологичности).

Фразеологичность соединения частей слова может проявляться двояко. Во-первых, она проявляется в несамостоятельности значения самих составляющих. Так, в словах *утренник*, *дневник*, *вечерник*, *ночник* сложный суффикс **-н-ик** по-разному преобразует значения исходных существительных и прилагательных (*утро/утренний*, *день/дневной*, *вечер/вечерний*, *ночь/ночной*), т.е. его конкретное значение варьирует. Такое проявление фразеологичности преобладает при словообразовании. Во-вторых, в словах *стол-у*, *скамейк-е*, *кровать-и* варьируют не значения показателей данного падежа *-у*, *-а*, *-и*, а их конкретное звуковое выражение. Такое проявление фразеологичности преобладает при словоизменении.

Варьирование звукового выражения может быть не только у аффиксов, но и у основ: *друг—друзья*, *сук—сучья*, *пеку—печем*, *бегу—бежишь*, *беру—брал*, *сон—сна*. «Здесь различия в звуках основ связаны с различиями самих основ лишь в сочетаниях с другой частью слова, поэтому отдельно такие основы от других частей слов не существуют. Отдельно от других частей слов такие основы не соединяют никакого значения и являются вариантами одного и того же корня слов» [9. С. 33].

При варьировании возможно появление «нулевой», или отрицательной, принадлежности: род.п. множ.ч. *рыс-ей* — *волк-ов*, *коров-о*. Ф.Ф. Фортунатов писал: «Формальные принадлежности слов в их формах могут быть не только положительными, состоящими из известной принадлежности слов, но и отрицательными, причем самое отсутствие в слове какой бы то ни было положительной формальной принадлежности может само сознаваться говорящим как формальная принадлежность этого слова в известной форме (общей ему с другими словами) по отношению к другой форме или к другим формам, где являются положительные формальные принадлежности в соединении с теми основами слов, которые в данной форме не имеют при себе никакой положительной формальной принадлежности слов» [10. С. 138].

При этом, однако, следует отличать значимое отсутствие формального показателя от «присутствия» нулевого показателя. В противопоставлениях *вертит—вертится*, *бери—берись*, *строил—строился*, отсутствие *-ся/сь* указывает на действительный залог, присутствие — на страдательный; здесь нет «нулевого» показателя. Иное дело, когда «нуль» варьирует с ненулем: *сядь*, но *сид-и*; *читай-о*, но *пиш-и*; *рук-о*; *глаз-о*, но *зуб-ов*, *уш-ей*. Поэтому мы должны считать, что в словах *стол*, *глаз*, *рук*, *ног*, *бей*, *сядь* присутствует членение на основу и нулевой аффикс, а в словах *здесь*, *там*, *завтра*, *вчера*, *кенгуру*, *ампула* такого членения нет [11. С. 216]. Образование форм слов, сопровождаемое разного рода варьированиями аффиксов и основ, называется флексией. Флексия может быть внешней. Когда аффиксы присоединяются к основе, которая в этом случае может варьировать (морфологические чередования: *любл-ю* — *люб-ишь*; *леч-у* — *лет-ишь*; *бег-у* — *беж-ишь*; *пек-у* — *печ-ишь*; *сон-о* — *сп-а*) и внутренний, когда значимо само изменение (*с-бор* — *со-бир-ал* — *со-бр-ал*; *бег-ал* — *беж-ал*; *на-зываеть* — *на-зв-ать*; *нес-ти* — *нос-ить*).

Языки, в которых при образовании форм преобладает внешняя или внутренняя флексия, называются флективными (русский и другие индоевропейские язы-

ки). При внутренней флексии невозможно провести непосредственной границы между основой и грамматическим показателем, при внешней флексии такое разграничение возможно. Но ни основы, ни аффиксы не могут иметь самостоятельного значения и употребления; склоняемые и спрягаемые слова во флективном русском языке никогда не бывают одноморфемными, состоящими из чистых корней, любое имя или глагол всегда оформлены, всегда имеют хотя бы один грамматический показатель, хотя бы «нулевой» аффикс. Ср. в нефлективных соединениях — «речениях»: *Москва-река, рыба-пила, белый медведь, морская свинка* — каждая из частей, входящих в «речение», имеет самостоятельное значение, может употребляться отдельно, склоняется.

Слова, имеющие форму, можно рассматривать двояко — с точки зрения его собственного, лексического значения и с точки зрения значения выраженной в нем формы. Каждая форма двупланова, имеет план выражения — способ образования данной формы (т.е. способ членения слова, конкретный вид аффикса или внутренней флексии) и план содержания — формальное грамматическое значение. Форма представляет собой единство грамматического способа и грамматического значения [6. С. 248—249].

На основании фортунатовского учения о форме А.А. Реформатским было введено понятие грамматической категории как совокупности элементов языка (слов, значимых частей слов и сочетаний слов), объединенных грамматическим значением при обязательном наличии выражающего его грамматического способа [6. С. 255].

Важным в учении о форме слова является разграничение, с одной стороны, форм деривационных и моционных, с другой — форм словообразовательных и словоизменяемых. *Деривационными* называются такие формы, когда при противопоставлении двух образований одно образование характеризуется как основное, беспризнаковое, не имеющее дополнительного значения, другое — как производное, имеющее дополнительный признак (напр., *стол* — основное образование, *столик* — производное, т.к. имеет в своем значении дополнительный признак «маленький»). Деривационные формы обозначают «отношение слова, имеющего известную форму, к слову, взятому без формы» [9. С. 54].

Формы, в которых «непосредственно обозначается соответствие между словами... образованными от одной общей основы, существующей отдельно от формы словообразования», Ф.Ф. Фортунатов назвал моционными: «Значение какой-либо формы словообразовательной моции заключается в обозначении известного отличия слова, имеющего такую форму, от слова с той же формой в другой словообразовательной форме» [9. С. 54—55]. При противопоставлении двух моционных образований каждое из них имеет определенный признак и не может считаться производным от другого. Таково соотношение существительных мужского и женского рода: *супруг* — *супруга*, *вдовец* — *вдова*, *волк* — *волчица*, *лис* — *лисица*, *кенарь* — *канарейка*.

Мы не можем сказать, что формы мужского рода произведены от форм женского или наоборот: ср., с одной стороны — *оба супруга* (т.е. *супруг* и *супруга*), *оба волка* (*волк* и *волчица*), а с другой стороны — *лисицы*, *обе лисицы* (и *лис*,

и лисица), канарейки (кенарь и канарейка), дополнительные суффиксы могут иметь как слова женского рода (лисица, волчица, канарейка), так и мужского (вдовец). Моционными являются формы одушевленности/неодушевленности существительных (ср. *читатель* — *выключатель*), формы глагольного вида (*делает* — *сделает*, *решает* — *решит*, *арестовывает* — *арестует*).

Отличие словообразования от словоизменения долго не получало исчерпывающего описания в фортунаатовской школе. М.В. Панов предложил словообразовательными считать формы с нестандартизованным значением, а словоизменительными — формы со стандартизованным значением. Словоизменительными он считает «морфемы, которые всегда употребляются в сопровождении других морфем и имеют стандартизованное значение» [3. С. 6].

При нестандартизованном изменении значения мы каждый раз получаем новое значение, например, морфема творительного падежа *-ом* стандартизована: в контексте *пишет пером, карандашом, гвоздем* оно имеет одно вполне определенное значение орудия действия, а в контексте *гуляет с другом, отцом, братом, соседом, с догом, котом, слоном, с зонтом* — другое, но тоже вполне определенное, стандартное для данного контекста значение совместности. Следовательно, пары *перо* — *пером*, *карандаш* — *карандашом*, *гвоздь* — *гвоздем*, *друг* — *другом*, *отец* — *отцом*, *брат* — *братом*, *дог* — *догом*, *кот* — *котом*, *зонт* — *зонтом* не представляют собой разные слова, это разные формы одного слова, падежи — это словоизменительные формы. «Сама возможность контекстов, где слова с данной морфемой выражают одно и то же значение, свидетельствует о том, что значение данной морфемы стандартно» [3. С. 68]. Нестандартизованы показатели глагольного вида и рода, одушевленности/неодушевленности существительных, глаголы разных видов — это разные глаголы, существительные разных родов — это разные существительные, точно так же, как разными словами являются заместитель кого-то (одушевленное) и заместитель чего-то (неодушевленное). Показатели числа всегда обозначает одно и то же, следовательно, число — это словоизменительная категория, *стол* — *столы*, *волк* — *волки* — это разные формы одного слова.

Словоизменительные формы могут быть деривационными (напр., залог: *верчу* — *верчусь*) и моционными. «В формах моции — формальный элемент вносит в слово только известное реальное значение; но это значение соотносительное, т.е. такое, что предполагает существование в том же слове других форм, отличие от которых и составляет значение первой формы... Таковы, например, формы числа в именах и местоимениях: форма множественного числа предполагает существование в том же слове формы единственного числа, а форма единственного числа предполагает существование в том же слове формы неединственного числа... В формах моции формальный элемент выражает, что слово, в состав которого он входит, получает известное значение, но сам по себе он не имеет этого реально-го значения» [10. С. 62].

Соотношение именительного падежа и звательной формы дают, по Ф.Ф. Фортунатову, моционные формы. Но косвенные падежи по отношению к именитель-

ному являются формами деривационными: «Форма именительного не есть, следовательно, сама по себе флективная форма слов, но она предполагается падежной флексией слов и является по значению той формой слова, от которой производится значение форм косвенных падежей. Различные косвенные падежи, находясь в отношении к одной и той же форме именительного падежа, вступают в соотношение между собой лишь при посредстве этого общего для них отношения к именительной форме» [10. С. 58].

Словоизменительные формы, как деривационные, так и моционные, подразделяются в свою очередь на нереляционные (которые в лекциях Ф.Ф. Фортунатова были названы «словообразовательными», точнее их называть «основообразовательными») и реляционные (собственно словоизменительные). Нереляционные формы вносят дополнительные значения в самозначение слова вне зависимости от других слов, связанных с ним в словосочетании и предложении. Таковы формы существительных, степени сравнения прилагательных, залога глаголов. Реляционные формы указывают на отношения между словами в словосочетаниях. Среди реляционных форм различаются, с одной стороны, несинтаксические формы словоизменения (отражения), указывающие на изменения значения всего словосочетания (формы глагольного времени и наклонения), и формы согласования прилагательных и глаголов [5. С. 141]. Каждый из этих формальных разрядов может быть либо деривационным, либо реляционным. По этим критериям построена следующая таблица.

Таблица

Словообразование и словоизменение в русском языке

Средства	Способы				
	словообразование	словоизменение			
		основообразование	реляционные формы		
	основоизменение		склонение существительных	согласование	
Деривация	словообразовательные суффиксы	залог, степени сравнения	наклонение	косвенные падежи	косвенные падежи прилагательных
Моция	вид глагола, род сущ.	число существительных	время	именительная и звательная форма	лицо, число, род глагола, род и число прилагательных

Совокупность форм данного слова составляет его морфологическую структуру. Слова в языках разных типов имеют различную морфологическую структуру, которая определяет и структурные отношения на других ярусах: единицы фонетического яруса целиком определены отношением структуры слова к фонетике, и система синтаксического яруса (строение словосочетаний) предсказывается господствующей в данном языке структурой слова. Таким образом, структура слова является мерой определения грамматического строя языка, в ней как в фокусе сосредоточились межъярусные структурные отношения.

Изложенная классификация форм была разработана на материале флективных индоевропейских языков. В других языках (агглютинативных, инкорпорирующих) может тоже обнаруживаться членение слова на основу и аффиксы, выявляются корневые и служебные морфемы. Но способы такого вычленения в языках разного строя будут преобладать различные.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бодуэн де Куртене И.А.* О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. 1.
- [2] *Гринберг Дж.* Квантитативный подход в морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. 3.
- [3] *Панов М.В.* Русский язык // Языки народов СССР. — М., 1966. — Т. 1.
- [4] *Панов М.В.* О слове как единице языка // Уч. зап. МГПИ им. В.П. Потемкина. — М., 1956. — Т. 51.
- [5] *Поржезинский В.К.* Введение в языкознание. — М., 1915.
- [6] *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. — М., 1967.
- [7] *Смирницкий А.И.* К вопросу о слове // Вопросы теории и истории языка. — М., 1962.
- [8] *Фортунатов Ф.Ф.* Спряжение глагола в индоевропейских языках — М., б.г.
- [9] *Фортунатов Ф.Ф.* Лекции по сравнительному языковедению. Литографированное издание. — 1885.
- [10] *Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. — М., 1956. — Т. 1.
- [11] *Широков О.С.* Введение в языкознание. — М., 1985.

WORD MORPHOLOGY AS THE BACKGROUND OF TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF LANGUAGES

A.V. Shirokova

The General and Russian Linguistics Department
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the language classification principles proceeding from their morphological features while studying Indo-European inflexion languages.

Key words: comparative and typological linguistics, language type, a category of form in language.